

УДК 1:3+930.1

ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМАРКСИЗМА

Шкундич Алексей Олегович

преподаватель

Белорусский государственный университет информатики и
радиоэлектроники
(Беларусь, г. Минск)

В статье определено, что социальная философия постмарксизма методологически является разновидностью философского конструктивизма, и соответственно несет в себе как позитивные, так и негативные аспекты этого типа философии. Показано, что эссекская школа постмарксизма ориентируется на новаторские социальные движения и на группы, в отношении которых проявляется социальная дискриминация. Эссекские постмарксисты выступают за равноценность антагонизмов, т.е. антагонизм буржуазии и пролетариата равноправен в отношении других антагонизмов. Раскрыты социальные последствия кризиса левоцентристского дискурса как главной предпосылки формирования постмарксистских представлений о социальной реальности и определены сущностные черты постмарксизма, выделены ключевые положения социальной теории и методологии постмарксизма эссекской и люблянской школ. Также проанализированы социально-политические программы эссекской и люблянской школ постмарксизма и дана их содержательная оценка. Рассмотрев теорию гегемонии эссекских постмарксистов Ш. Муффа и Э. Лаклау, можно сделать вывод о том, что важным является фундаментальное значение дискурса в структурировании социального.

Ключевые слова: постмарксизм, теория дискурса, агонистическая демократия, гегемония, капитализм.

THE QUALITY OF SOCIAL DYNAMICS IN POST-MARXIST PHILOSOPHY

Shkundich Alexei Olegovich

lecturer

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
(Minsk, Belarus)

This article defines that the social philosophy of post-Marxism is methodologically a type of philosophical constructivism, and accordingly carries both positive and negative aspects of this type of philosophy. It is shown that the Essex school of post-Marxism focuses on innovative social movements and on groups in respect of which social discrimination manifests itself. Essex post-Marxists advocate the equivalence of antagonisms, i.e. the antagonism of the bourgeoisie and the proletariat is equal in relation to other antagonisms. The social consequences of the crisis of the center-left discourse as the main prerequisite for the formation of post-Marxist ideas about social reality are revealed and the essential features of post-Marxism are defined, the key concepts of the social theory and methodology of post-Marxism of Essex and Ljubljana schools are highlighted. Also analyzed are the socio-political programs of the Essex and Ljubljana schools of post-Marxism and their substantive assessment is given. Having considered the theory of the hegemony of Essex post-Marxists S. Muff and E. Laclau, we can conclude that the fundamental importance of discourse in structuring the social is important.

Keywords: post-Marxism, discourse theory, agonistic democracy, hegemony, capitalism.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях растущего социального неравенства, кризиса демократии и глобального финансового капитализма, возникает вопрос об альтернативе неолиберального общества. В этих условиях актуализируется марксистский дискурс. После финансового кризиса 2008 г., вырос спрос на работы К. Маркса. Несмотря на то, что социальная философия марксизма до сих пор имеет теоретическую ценность для современной

философии, текущие реалии глобального капитализма не могут быть полностью охвачены классическим марксизмом. В связи с этим актуализируются современное переосмысление социальной философии классического марксизма. К таким формам переосмысления относят неомарксизм и постмарксизм. Особенно актуальны исследования философии постмарксизма для постсоветских стран, где произошел радикальный политический отказ от марксизма, что сказалось на специфике постсоветского капитализма. Постмарксистская рефлексия дает понимание специфики постсоветского капитализма и перспектив его развития.

Основная проблема при исследовании социальной философии постмарксизма, заключается в теоретическом разграничении между постмарксизмом и другими интеллектуальными тенденциями, которые вписываются в марксистский дискурс. Если говорить об источниковедческой базе, то определенный вклад в изучении феномена постмарксизма и выявления его основных атрибутов ввел белорусский философ П.В. Барковский и другие постсоветские, а также зарубежные философы, такие как: А.С. Колесников, С. Сим, Дж. Тауншенд и С. Торми.

Их исследования позволили определить круг современных философов - постмарксистов: Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Негри, М. Хард, А. Норвал, Ж. Рансьер, Я. Ставракакис, Н. Хомский и т.д.

Современные исследователи отмечают, что понятие постмарксизма появилось стихийно и сами представители постмарксизма себя не определяют в этом понятии, поэтому применение этого конструкта носит относительный характер. Но этот термин необходим для того чтобы охарактеризовать тех интеллектуалов, которые после падения берлинской стены продолжили свои исследования в марксизме, но с обновленным методологическим основанием.

Термин «постмарксизм» подчеркивает свою преемственность с марксизмом, но философия постмарксизма

старается переосмыслить и преодолеть некоторые аспекты марксистской мысли. Сами постмарксисты начали свои исследования по критическому осмыслению текущих реалий и ее динамики в эпоху постмодерна. Акцент в данной статье сделан на представителей эссекской (Ш. Муфф, Э.Лаклау) и люблянской (С.Жижек) школ постмарксизма. Эти две школы дали наибольший толчок и развитие методологии и теории постмарксизма. Сегодня многие ученые и исследователи широко используют методологию постмарксизма при изучении каких-либо политических и социальных проблем и вопросов. Для левых идеологические и практические аспекты философии постмарксизма имеют фундаментальное значение.

В данной статье предпринята попытка обобщить социальную философию постмарксизма, основным содержанием которой является критика позднего капитализма и критическое переосмысление некоторых аспектов классического марксизма, а также возможность конструирования свободного и справедливого общества.

Целью данной работы является экспликация природы социальной динамики в философии постмарксизма на примере концепций С. Жижека, Ш. Муфф, Э. Лаклау. Данная цель раскрывается в ряде взаимосвязанных **задач**:

- рассмотреть концепцию агонистической демократии Эссекской школы;
- эксплицировать теорию гегемонии в постмарксизме;
- выявить особенности дискурса критики позднего капитализма в работах С. Жижека.

Объектом статьи выступает эволюция социальной философии марксизма от классической теории к постмарксизму, **предметом** – природа социальной динамики.

В статье использовались следующие **методы исследования**: метод теоретической реконструкции; исторический и логический методы; метод компаративного анализа; герменевтический метод.

Основная часть. Концепт агонистической демократии был сформулирован в книге «Гегемония и социалистическая стратегия» в 1985 г. Важно отметить, что 80-е года характеризовались упадком социалистической политики и левого академического дискурса. А социализм и коммунизм стали ассоциироваться с авторитарными режимами. Многие западные интеллектуалы разочаровались в практике социализма и отказались от левых проектов. Но эссекская школа постмарксизма взглянули по-новому на проблему демократии в левом дискурсе. Как считают постмарксисты, в рамках позднего капитализма демократическая политика должна стать фундаментальной основой социалистической политической стратегии. Ранее проблемы демократии в левом дискурсе не имели преимущественно главного значения и, как правило, осмысливались в идеологическом контексте.

Выбор в пользу демократических проблем обусловлен акцентуацией на новые субъекты социальных преобразований и угнетенных групп в социальном пространстве. Проблема угнетения рабочего класса не исчезает из поля зрения исследователей, но только рабочим классом список угнетенных групп не ограничивается. Общество не ограничивается только антагонизмом пролетариата и буржуазии, следовательно, мы не можем признать приоритетность какого-либо угнетаемого социального субъекта. Соответственно невозможно сформулировать итоговую цель социалистической политики и весь фокус внимания смещается на процедурные моменты.

Для того, чтобы объяснить концепт агонистической демократии, следует проанализировать, как демократия понимается в тех или иных дискурсах. Наиболее распространенное понимание демократии – это такой тип общественного устройства, при котором народ является источником государственной власти.

С позиции левого дискурса при таком понимании возникает проблема соотношения государства и демократии и того, что понимается под «народом». С точки зрения дискурс-

анализа эссекской школы – символическая реальность не существует вне идеологии. Соответственно разные дискурсы пытаются монополизировать понимание демократии согласно своим идеологическим представлениям.

Поливариативность понятия демократии, аморфность ее определения дает право эссекским постмарксистам говорить о ней как о пустой универсальной формуле, как о пустом означающем, над которым пытаются установить гегемонию разные теоретические и политические субъекты. Установление гегемонии над пустым означающим нивелирует и дискредитирует другие попытки интерпретации. В качестве примера можно вспомнить СССР, где советская политическая модель декларировалась как подлинно народно демократическая. В это же время США и Западная Европа предлагали другие «подлинные» модели либеральной демократии. Если индивид, находясь в рамках той или иной политической системы, не принимает ее идеологическое содержание, то это должно вызывать у него чувство вины. Этот механизм обозначался французским философом М. Фуко как «маргинализация» в небезызвестном труде «История сексуальности» [1, с. 78]. Конечная цель дискурсов, которые обращаются к идентичности субъекта, это гегемония в том контексте, как ее понимал А. Грамши: «Гегемония – такая степень подавления личности, при которой осуществление контроля не требует дополнительного использования силы. Напротив, признание господства системы подавления воспринимается как добровольное и естественное положение вещей» [2, с. 57].

Либеральная демократия также пытается монополизировать собственный смысл концепта демократии, но эссекские постмарксисты считают, что именно она обладает определенным потенциалом для реализации социальной эмансипации и политического прогресса. Ш. Муфф обозначила два враждующих подхода к пониманию либеральной демократии: это рационально-универсалистский подход и

контекстуальный подход. Философ обеспокоена деструктивной критикой либеральной демократии: «Понятно, что на кону этих дебатов стоит сама природа политической теории. Друг другу противостоят две различные точки зрения. По одну сторону мы встречаем "рационалистов-универсалистов", которые, подобно Рональду Дворкину, Ролзу и Хабермасу, утверждают, что задача политической теории заключается в том, чтобы установить универсальные истины, обязательные для всех, независимо от историко-культурного контекста. Для них, конечно, возможен только один ответ на вопрос о "хорошем режиме", а основные усилия их направлены на доказательство того, что именно конституционная демократия удовлетворяет этим требованиям... но ему противостоит другой подход, который можно назвать "контекстуалистским" и который особенно нам интересен, ибо он, несомненно, испытывает влияние Витгенштейна. Контекстуалисты, вроде Майкла Уолцера и Ричарда Рорти, отрицают наличие такой точки зрения, которая была бы внешней по отношению к практикам и институтам данной культуры, и откуда могли бы выноситься универсальные, независимые от контекста "суждения"» [3, с. 92].

Отмеченный выше Ш.Муфф американский философ Р. Рорти имеет собственное понимание антагонизма интерпретаций либеральной демократии. Спор идет между кантианцами (Р. Дворкин), антикантианцами (Д. Дьюи, М. Оукшот) которые хотят сохранить либеральные институты, и антикантианцами антиинституционалистами (Р. Унгер, А. Макинтайр). Р.Рорти обозначает постмарксистов и неопрагматиков как гегельянцев. Их объединяет отрицание каких-либо универсальных ценностей. В свою очередь кантианцы говорят об таких универсальных конструктах, как «естественные права человека», «врожденная нравственность» [4, с. 265] и т.д. Основной вопрос этого спора формулируется следующим образом: возможна ли какая-то рациональная и универсальная основа под либеральной демократией? Или

либеральная демократия — это только одна из альтернатив политической организации общества?

Главный аргумент Муфф против универсализма таков: «...политику нельзя свести к рациональности именно потому, что политика означает конец всякой рациональности» [3, с. 156]. Опираясь на теорию Л. Витгенштейна, Ш. Муфф обезоруживает систему аргументации нейтрального или рационального диалога: «...либерально-демократические "принципы" не могут считаться единственным и окончательно установленным ответом на вопросы. Особенно опасный поворот универсализм совершил в период правления в США Д. Буша-младшего. В январе 2002 года в послании о положении в стране он впервые употребил понятие «ось зла» применительно к политическим оппонентам США на мировой арене, придав им статус абсолютных врагов. Американские неоконсерваторы по-прежнему широко используют данный термин в пропагандистской литературе и публицистике <...> Поскольку они не дают рационального решения проблемы совместного существования людей, бесполезно искать в их подтверждение такие доводы, которые не были бы "зависимыми от контекста", чтобы оградить их от других политических языковых игр» [3, с. 158].

Позиция контекстуалистов заключается в том, что в основе демократии лежат убеждения, которые разделяются большинством, а не рациональность. Из этой позиции контекстуалисты базируют свои исследования этоса. Базовым принципом для контекстуалистов является принцип, высказанный Л. Витгенштейном: «Где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком. Я сказал, что стал бы "сражаться" с другим, – но разве я отказался бы приводить ему основания? Вовсе нет; насколько же далеко они простираются? В конце оснований стоит убеждение» [5, с. 345].

Эссекские постмарксисты в понятии «политического» пытаются преодолеть дихотомию врага и друга. Фигура «врага»

в их концепте заменяется фигурой «соперника»: «Соперник – это враг, но враг легитимный, враг, с которым у нас есть определенные точки соприкосновения, поскольку мы оба придерживаемся этико-политических принципов либеральной демократии: свободы и равенства. Но у нас имеются разногласия по поводу значения и осуществления указанных принципов, причем такие разногласия невозможно разрешить путем рационального обсуждения. Учитывая неискоренимость плюрализма ценностей, не существует никакого рационального решения конфликта, чем обуславливается его антагонистическое измерение» [6, с. 147]. Вторым условием либеральной демократии является наличие соперничества в дискурсе и установление либеральной триады свободы, равенства и братства.

Парадоксальным моментом здесь является то, что радикальный антагонизм может нивелировать демократию, но также и является ее необходимым условием. Эссекские постмарксисты вводят понятие «конфликтного консенсуса», что является узловой точкой демократии.

Люблянский постмарксист С. Жижек пишет о том, что любые попытки сглаживания социального антагонизма чреваты тоталитарными последствиями: «И следует не только отказаться от попыток преодолеть этот сущностный антагонизм, но и признать, что именно стремление искоренить его приводит к соблазну тоталитаризма: массовое уничтожение людей и холокост совершались во имя человека...» [7, с. 147]. Эта позиция опирается на философию постструктурализма. Создание концепта агонистической демократии было обусловлено кризисом социальной организации позднего капитализма. Агонистическая демократия, по мнению постмарксистов, это платформа для консолидации левых и разных социально угнетенных общественных групп, при условии принятия ими «минимума демократии». Ш. Муфф и Э. Лаклау считают, что именно агонистическая демократия может стать стимулом к социальному прогрессу.

Следует отметить, что эссеистские постмарксисты являются последователями итальянского философа неомарксиста А. Грамши, в частности, его концептов гегемонии, исторического блока и позиционной войны. Философы Э. Лаклау и Ш. Муфф творчески дополнили и завершили эти концепты.

Эта совокупность концептов была использована правыми силами и с ее помощью им удалось добиться политического лидерства. Примером этому могут служить неолиберальные реформы в конце XX в. Так, некоторые из них стали основной государственной политической линии ФРГ в 1948 г.

Несколько позже была создана организации «Мон-Пелерин», финансируемая транснациональным капиталом. В состав организации вошли такие мыслители правого толка как Л. Мизес, Ф. Хаек, М. Фридман, работавшие над идеями об ограничении государственного вмешательства.

Непосредственно в политической сфере неолиберальные идеи отобразились в деятельности и программных документах администрации Р. Рейгана в США и в Великобритании М. Тэтчер.

Основная функция гегемония – артикулировать и поддержать согласие обывателей, которое может считаться состоявшимся, когда неолиберальные ценности прочно укрепились в мировоззрении обывателя. Установление гегемонии невозможно сразу даже с помощью финансовых ресурсов, но требует обширной интеллектуальной работы. Несмотря на распространенные пессимистичные взгляды на неолиберальную модель, сколько-нибудь полноценной альтернативы не предлагается.

Так, концепт гегемонии является продуктом левого дискурса, но левые силы сегодня не способны осуществить эту идею. Концепт объясняет закономерности функционирования общественной системы, указывает на причины перехода из одной системы в другую. Но самое главное, что этот концепт

дает понимание о том, как *намеренно* осуществить переход из одной системы в другую.

Неудачные попытки осуществления марксистских идей в политических системах Европы и стран третьего мира в XX в. натолкнул эссеистов на мысль о пересмотре классового анализа общества. В условиях культурной гегемонии буржуазии пролетариат утрачивает свою идентичность, не рассматривая себя как авангард революционного движения.

Постмарксисты уделяли особое внимание изучению феномена идеологии. Так, ими постулировалась противоречивость марксистской концепции идеологии как «ложного сознания». Постмарксисты берут в свой теоретический арсенал концепт интерпелляции Л. Альтюссера [8], который пишет о том, что идеология воспроизводит социальную структуру и экономические отношения в базисе. Отсюда эссеистские постмарксисты делают вывод о том, что даже в бесклассовом обществе идеология бы существовала, иначе не понятно, как функционировало бы социальное поле.

Эссеистские постмарксисты понимают под идеологией различие типы дискурсов, с помощью которых социум фиксирует свою идентичность. Идеология, как считают постмарксисты, не имеет строгой классовой принадлежности [9, с. 57]. Соответственно пролетариат не может выдавать свои специфические интересы за общечеловеческие. И постмарксисты отказывают пролетариату в попытках обладания «истинным сознанием» [9, с. 54].

После «антиэссенциалистской прививки» ортодоксальному марксизму был выработан метод дискурс-анализа с установкой на гегемонистическую структуру языка. Это значит, что властные отношения и социальные практики опосредованы различными видами дискурсов. Эти дискурсы устанавливаются политически случайно, поскольку политика, как считают постмарксисты, это область неопределенности. После этого дискурс натурализируется или седиментируется. Там, где в социуме есть согласие в интерпретации таких пустых

означающих как свобода, демократия, справедливость, национальной идеей устанавливается сегментированный дискурс. В то же время идет борьба между различными активными дискурсами, которые относятся к области политического.

Гегемония состоится тогда, когда тот или иной дискурс успешно натурализуется, т.е. укоренится в социуме и устранил другое понимание узловых точек. Таким образом, постмарксисты отводят левым роль в активном участии в культурной идеологической борьбе за контролем над общественными сферами, где осуществляется воспроизводство значений и интерпретаций узловых точек. Левые должны осуществлять гегемонию в университетах, школах, СМИ, гражданском обществе и т.д.

По мнению постмарксистов, завоевание лидерства в символическом порядке цементирует исторический блок. Итогом этого процесса должна стать принципиально новая форма социальной организации, которая будет отвечать потребностям исторического блока [9, с. 57]. Постмарксисты никак не определяют социализм. Альтернативой сегодняшним реалиям должен стать такой тип общества, который сформируют социальные силы с помощью демократического участия. Остается только предположить, что общество, которое участвует в историческом блоке, сформулирует и примет такую социальную организацию, которая будет отличаться от существующего неолиберального положения дел. Возможно, что новый тип социальной организации станет эгалитарным, но о социализме в этом контексте говорить еще рано. Рассмотрев теорию гегемонии эссеких постмарксистов Ш. Муфф и Э. Лаклау, можно сделать вывод о том, что важным является фундаментальное значение дискурса в структурировании социального.

С. Жижек, основатель Люблянской школы психоанализа, разрабатывал собственный подход к социальной реальности и социальной динамике. Люблянский постмарксист считает, что

современное человечество находится в стадии «тихой революции». Основные тенденции «тихой революции» – это замена неписаных правил, которые определяют логику международных отношений. Новая логика международных отношений может привести к катастрофическим длительным перспективам, считает С. Жижек.

Современный глобальный мир входит в жесткую конфронтацию и сегрегацию, но С. Жижек отвергает концепцию С. Хангтингтона «конфликта цивилизаций», ведь, как известно, индусы и китайцы, как и американцы, с удовольствием ходят в Макдональдс и носят «Nike». Западные ценности в потребительском контексте оказались всеобщими, и человечество стремится к потребительскому гедонизму. Антагонизм существует не между цивилизациями, антагонизм находится в центре капиталистической мир-системы и стимулирует капитал к перманентному развитию. Речь о том, что проблемы современного капитализма, с которыми пытаются бороться, являясь его незаменимыми элементами, которые поддерживают и развивают капиталистическую систему. Капитализм увеличивает энтропию на собственной периферии, вносит управляемый хаос для того, чтобы сохранить упорядоченную структуру собственного ядра.

Ярким примером такой «логики исключения» или «двойной игры» являются США [10]. «Логика исключения» проявляет себя на разных уровнях – от экономического и политико-правового до уровня международных отношений. Например, США, участвуя в создании Международного трибунала в Гааге, не принимают его юрисдикцию в отношении к своим гражданам, поскольку это нарушение юрисдикции и суверенитета США. Такая же ситуация и с борьбой за права человека. США позиционируют себя эталоном в соблюдении прав человека, поэтому «врагов демократии и прав человека» они вывозят за пределы своего государства в Гуантанамо и восточноевропейские страны НАТО, где совершаются пытки и избиения заключенных.

Глобальный кризис 2008 г. вызвал некоторые надежды на изменения в мировой капиталистической системе. Согласно теории ортодоксального марксизма, капитал рано или поздно сам станет пределом капитализма, но С. Жижек думает иначе: «Капитализм развивается, постоянно "занимая у будущего", отсылая к некоему неопределенному моменту будущей "полной расплаты", который все время откладывается, подобно тому, как МВФ постоянно реструктурирует долги стран второго и третьего мира с мыслью (которая остается действенной, хотя никто в это не верит) о том, что в какой-то момент в будущем долги будут возвращены. Уже Дж. М. Кейнс, критикуя идею о том, что в долгосрочной перспективе реальность должна настичь спекулятивное движение капитала, едко добавлял, что в долгосрочной перспективе все мы уже мертвы; однако действительная экономическая жизнь – это именно бесконечная отсрочка этой полной расплаты по счетам [7, с. 59]».

Сегодня существует множество разных интерпретаций изменений капитализма, но все они сводятся к тому, что знание и информация являются главными факторами воспроизводства и роста капитала. Люблянского постмарксиста интересуют последствия очередной капиталистической революции и, анализируя их, философ делает пессимистические выводы. С. Жижек наряду с другими постмарксистами утверждает, что поздний капитализм в политической сфере стремится к авторитаризму, этатизму как гарантии социального, политического и экономического порядка [11, с. 127]. Многие политики объясняют временный авторитаризм следствием борьбы с терроризмом, политическим экстремизмом и т.д. Но люблянский философ, анализируя поздний капитализм, усматривает необходимость авторитаризма в экономических причинах и развитии «киберкапитализма» или, как говорят современные исследователи, «дигитализированного капитализма».

Сегодня в странах капиталистического центра доминирует интеллектуальная собственность, т.е. знание

становится главным фактором накопления богатства, следовательно, рабочая сила перестает быть мерой ценности товара. После приватизации общественного интеллекта источником капиталистической прибыли кибер-капитализма становится рента, а не эксплуатация, как это было во времена ортодоксального марксизма. С. Жижек указывает на коммунистическую сущность интеллектуальной собственности, которая стремится быть коллективизированной [12, с. 124]. Он пишет о том, что сегодня рассматривать капитализм через классический марксистский антагонизм собственников и наемных рабочих не актуально, т.к. капиталистическая эксплуатация стала более эффективной и гибкой: «Важные сдвиги происходят в статусе частной собственности: исходной составляющей власти и контроля больше не является последнее звено в цепи капиталовложений - фирмы или люди, которые "на самом деле владеют" средствами производства. Идеальный капиталист сегодня действует совершенно иначе: он вкладывает взятые займы деньги, ничем "на самом деле" не владея (даже долгом), но, тем не менее, распоряжается вещами. Корпорация принадлежит еще одной корпорации, которая, в свою очередь, заняла деньги у банка, который в итоге распоряжается деньгами, принадлежащими простым людям вроде нас с вами» [11, с. 83].

Нищета и бесправие, экологические бедствия, терроризм – все это структурно вписано в современный капитализм. Капитал становится фикцией за чужой счет. С. Жижек задает вопрос, какую позицию сегодня необходимо занять по отношению к «кибер-капитализму». Философ считает, что эволюция капитализма создала кризис института частной собственности, это является основной предпосылкой для конструирования нового социального проекта.

Сегодня принадлежность к господствующему классу определяется владением средствами социальной власти, контролировании благ элитарного способа жизни и т.д. Поэтому в перспективе отстаивание новой социальной системы будет выражаться не в выборе между частной или общественной

собственностью, а в выборе между эгалитарным или иерархическим постсобственническим социумом. Если эгалитарный проект не реализуется, то нас ждет печальное будущее, считает С. Жижек: «...рыночные отношения делают возможным существование (по крайней мере) "формальной" свободы и "законодательного" равенства; поскольку опорой социальной иерархии может служить собственность, нет никакой нужды в ее непосредственном политическом утверждении. Тогда, если собственность перестает играть ведущую роль, возникает опасность того, что ее постепенное исчезновение вызовет потребность в некоей новой (расистской или экспертной) форме иерархии, непосредственно основывающейся на качествах индивидов, отменяющей тем самым даже "формальные" буржуазные равенство и свободу. Короче говоря, поскольку определяющим фактором социальной власти будет наличие/отсутствие доступа к привилегиям (знаниям, управлению и т.д.), мы можем ожидать усиления различных форм исключения, вплоть до неприкрытого расизма» [7, с. 18].

С. Жижек критикует либеральную идеологию за то, что она стремится сделать человека социально пассивным, она всячески препятствует любым попыткам радикального коллективного действия. Когда либеральная идеология говорит о свободе – это свобода выбора в рамках заданных координат (например, свобода потребления), но она никогда не предполагает выбор самих координат.

Заключение. Поскольку марксизм ориентирован на социальные преобразования, то существует определенная зависимость марксистской философии от актуального ему исторического, политического и экономического контекста. Любые радикальные изменения в обществе, мировоззрении, науке, политике и т.д., являются предпосылками для новых версий марксизма.

Постмарксизм опирается на ортодоксальный марксизм и неомарксизм. Но, в отличие от своих предшественников, он

опирается на негативный опыт коммунистического движения. Этим объясняется его необходимость в поиске нового теоретического аппарата и переосмысления левой политики. Социальная философия постмарксизма методологически является разновидностью философского конструктивизма, соответственно несет в себе как позитивные, так и негативные аспекты этого типа философствования. Основной тезис философии конструктивизма – конструкции сознания опосредуют опыт субъекта. Любое знание дискурсивно опосредованно. Дискурс имеет доминантное положение в контексте конструирования субъективности, социального порядка и общественных преобразований. Кризис и упадок марксистских положений о диктатуре пролетариата, фатальности социалистической революции, объективной направленности истории обусловили методологический переход от реализма к антиэссенциализму и конструктивизму.

Эссекская школа постмарксизма ориентируется на новаторские социальные движения и на группы, в отношении которых проявляется социальная дискриминация. Эссекские постмарксисты выступают за равноценность антагонизмов, т.е. антагонизм буржуазии и пролетариата равноправен в отношении других антагонизмов. Поскольку социальные движения разнообразны по своему внутреннему групповому содержанию и имеют разные политические цели, эссекские постмарксисты не ставят конкретные меры и цели социальных преобразований. Существенным недостатком позиций эссекских постмарксистов является, на наш взгляд, избыточный акцент на демократической проблематике и возведение агонистической демократии в ранг цели.

Список литературы

1. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. – 448 с.

2. Грамши, А. Избранные произведения: [пер. с итал.] / А. Грамши. – [Под общ. ред. И.В. Григорьевой и др.; Вступит. статья Г.П. Смирнова; Примеч. И.В. Григорьевой, К.Ф. Мизиано]. – М.: Политиздат, 1980. – 422 с.
3. Муфф, Ш. К агонистической модели демократии / Ш. Муфф // Логос. – 2004. – №2(42). – С. 180-197.
4. Рорти, Р. Постмодернистский буржуазный либерализм / Р. Рорти // Логос 1991 – 2005. Избранное: В 2 т. – Т. 2. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 260 – 272.
5. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Философские работы (часть 1). – М.: Гнозис, 1994. – С. 321 – 405.
6. Муфф, Ш. Витгенштейн, политическая теория и демократия / Ш. Муфф // Логос. – 2003. – №4-5. – С. 153-165.
7. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – Издательство «Художественный журнал», 1999. – 236 с.
8. Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation) / L. Althusser. – In: Mapping Ideology, London: Verso, 1994.
9. Лаклау, Э. Невозможность общества / Э. Лаклау // Логос. – 2003. – № 4 – 5. – С. 54-57.
10. Жижек, С. Уходя от логики капитализма [Электронный ресурс] / С. Жижек. – Режим доступа: http://if.russ.ru/issue/2/20010514_zhi.html; дата доступа 11.05.2011
11. Жижек, С. Ирак: история про чайник / С. Жижек. – М.: Праксис, 2004. – 224 с.
12. Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек. – Пер. с англ. – М.: Европа, 2008. – 516 с.

© Шкундич А.О., 2019